

ЖИВОТНОЕ И ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ В ПОВЕСТИ Л. ТОЛСТОГО «ХОЛСТОМЕР»: СЕМАНТИКА ЖЕСТА

Ю. В. Фомина

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 25 апреля 2015 г.

Аннотация: в статье исследуются невербальные сигналы оппозиционных персонажей повести Л. Толстого «Холстомер». Особое внимание уделено противопоставлению Серпуховской – Холстомер: в поведении данных героев прослеживается смешение животного и человеческого. Такой подход позволяет раскрыть центральные мотивы позднего творчества писателя.

Ключевые слова: антитеза, мотив ложной жизни, мотив игры, семантика жеста, естественный закон, разумное сознание.

Abstract: the article investigates the non-verbal signals of opposition characters in the novel of L. Tolstoy «Strider». Particular attention is given to the opposition Serpuukhov – Strider, because the behavior of these characters mixed animal and human. This approach allows to reveal the central motives of the late writer's work.

Key words: antithesis, the motive of the false life, the motive of the game, the semantics of the gesture, law of nature, rational consciousness.

В основе повести Л. Толстого «Холстомер» лежат противопоставление и соположение, на что не раз обращали внимание исследователи: «Параллелизм – самое, пожалуй, общее выражение композиционного формата повести; это целый комплекс – либо противовесов (контраст, антитеза), либо соответствий (подобие, тождество), а нередко и причудливых совмещений, гибридов антитезы и тождества» [1]. Отметим противопоставленные образы: *Серпуховской – Холстомер, Серпуховской «тогда» – Серпуховской «теперь», Холстомер «тогда» – Холстомер «теперь», Серпуховской – коннозаводчик, мать Холстомера – волчица, Холстомер – другие лошади.*

Антитеза *Серпуховской – Холстомер* раскрывает центральный для позднего творчества Толстого мотив – мотив *ложной жизни*. Серпуховской и Холстомер «с этической точки зрения меняются местами» [2, 97]. Серпуховской руководствуется в жизни ложными принципами, он стремится лишь к тому, чтобы удовлетворить животные потребности. В трактате «О жизни», который относится к тому же периоду творчества писателя, Толстой размышляет об отличии человека от животного. По его мнению, «ложное учение» убедило человека в том, что «жизнь его есть период времени от рождения до смерти; и, глядя на видимую жизнь животных, он смешал представления о видимой жизни с своим сознанием и совершенно уверился в том, что эта видимая жизнь и есть его жизнь» [3, 341], в связи с чем стремится удовлетворить лишь личное, животное благо. Истинная жизнь связана с «разумным сознанием», которое указывает на иное благо.

Этим «разумным сознанием» в повести наделен Холстомер, именно он способен понять и простить других: как лошадей, так и людей. В первом же описании Холстомера видна его рассудительность: «Из всех лошадей, находившихся на варке (их было около сотни), меньше всех нетерпения показывал пегий мерин, стоявший одиноко в углу под навесом и, прищурив глаза, лизавший дубовую соху сарая» [3, 4]. Мимический знак «прищуриться» типичен в следующей ситуации: «... жестикулирующий, человек более старший или более опытный, понимает, что адресат может попасть в неловкое положение и иронизирует или по-доброму смеется над ним» [4, 126]. Так, мерин, как представитель старшего поколения, понимает, что глупо торопиться и топтаться около ворот раньше времени, поэтому по-доброму посмеивается над столпившимися лошадьми.

Истолкование поведения *лошади* через трактовку жестов, свойственных человеку, требует отдельного пояснения. Общим местом в толстоведении является тезис об очеловечивании Холстомера, связанном с приемом *остранения* – одним из центральных в произведениях Толстого 1880–1900-х годов. Здесь стоит учесть и тот факт, что повесть соединяет раннюю и позднюю эпохи творчества писателя. Первая ее редакция относится к 1863 году, последняя – к 1885 году. По наблюдению К. А. Нагиной, уподобление мира лошадей миру людей ярче прослеживается в первоначальных вариантах повести, и достигается оно в основном за счет внесения в мир лошадей «различий социального происхождения»: «...кобылки-“аристократки” ставят в упрек Холстомеру его “мужицкое” происхождение, <...> и мерин открывает свою тайну только потому, что оскорблено его ари-

стократическое чувство. Человеческие качества лошадей подчеркиваются и с помощью бранных слов, и чисто людскими определениями красоты...» [5, 104–105]. И, хотя уже «в последней редакции 1863 года Толстой отказался от слишком буквального уподобления мира лошадей человеческому, что обоснованно его интересом к Холстомеру именно как к существу природному» [5, 105], тенденция к очеловечиванию пегого мерина осталась, о чем свидетельствуют и приведенные в пример невербальные сигналы, и возможность к их истолкованию через анализ семантики человеческих жестов.

Так, противопоставление *Холстомер – другие лошади* держится на этом же смещении человеческого / социального и животного / природного. В описании лошадиного мира появляются как звериные черты, так и человеческие. К примеру: «Две еще жеребье кобылы ходят отдельно и, медленно передвигая ноги, всё еще едят. Видно, что их положение уважаемо другими, и никто из молодежи не решается подходить и мешать. Ежели и вздумает какая-нибудь шалунья подойти близко к ним, то одного движенья уха и хвоста достаточно, чтобы показать им всю неприличность их поведенья» [3, 9]. Нормы поведения здесь похожи на человеческие: лошади с почтением относятся к жеребым кобылам. Однако используемые невербальные сигналы характерны исключительно для животных: чтобы выразить недовольство, люди прибегают к мимике (выражение лица, взгляд, сдвинутые брови, форма губ), а лошади используют движение ухом или хвостом.

По наличию / отсутствию «разумного сознания» Холстомер противопоставляется не только Серпуховскому, но и Нестеру. Когда табунщик подошел к мерину с седлом и потником, он «...тяжело вздохнул и отвернулся» [3, 4]. Этот распространенный и понятный для людей альтернатив табунщик не смог интерпретировать: «– Что вздыхаешь? – сказал Нестер. / Мерин взмахнул хвостом, как будто говоря: “так, ничего, Нестер”» [3, 4]. И здесь невербальное поведение Холстомера похоже на человеческое, данный звук в мире людей трактуется как «нечто вроде психологической усталости от невзгод и тяжелой жизни или означающий, что “все плохо”» [6, 35]. Но, несмотря на это, Нестер не способен понять коня. Это связано с тем, что табунщик – представитель той группы людей, которая идет по пути *ложной жизни*, соответственно, он не способен понять другое существо.

Практически все жесты мерина табунщик не может интерпретировать адекватно: «Нестер положил на него потник и седло, причем мерин приложил уши, выражая, должно быть, свое неудовольствие, но его только выбрали за это дрянью и стали стягивать подпруги» [3, 4]. Знак «приложить уши» является типичным для животных. Не будем забывать о том, что мерин – «животно-стихийный

герой» (Д. С. Мережковский), чье поведение Толстой в деталях изучил на практике, будучи превосходным наездником. И в этом случае в интерпретации поведенческих знаков подспорьем могут послужить труды Ч. Дарвина, выдающегося толстовского современника, чьи идеи вызывали у писателя неизменный полемический интерес. Ч. Дарвин отмечает: «У многих животных движения ушей в высокой степени выразительны, но у некоторых, например у человека, высших обезьян и у многих жвачных уши не играют такой роли» [7, 101]; «Когда лошади разъярены, они плотно прижимают уши назад...» [7, 119].

Холстомер, в отличие от Нестера, старается понять табунщика, в чем-то оправдывает и прощает его: «...досадно только, что с трубочкой в зубах старик всегда раскуражится, что-то вообразит о себе и сядет боком, непременно боком; а мне больно с этой стороны. Впрочем, бог с ним, мне не в новости страдать для удовольствия других. Я даже стал уже находить какое-то лошадиное удовольствие в этом» [3, 5].

Персонажи, живущие по *ложным* принципам, не только не способны понять другого, но и узнать его, когда-то близкого и понятного. Так, Серпуховской, который раньше называл Холстомера «другом», отказываясь продавать его за какие-либо деньги, теперь не узнает в старом больном коне своего пегого мерина. Он видит сходство, что только дает ему повод похвастать перед коннозаводчиком: «...у меня была ездовая лошадь пегая, такие же пежины, как под твоим табунщиком. <...> Не было у меня, да и у тебя нет и не будет такой лошади. Лучше я не знал лошади ни ездой, ни силой, ни красотой» [3, 32]. Даже ржание Холстомера не помогло Серпуховскому узнать своего старого «друга»: «Вдруг над самым ухом его послышалось глупое, слабое, старческое ржание. Это заржал пегий, не кончил и, как будто сконфузился, оборвал. Ни гость, ни хозяин не обратили внимания на это ржание и прошли домой» [3, 28]. Этот звук указывает на то, что мерин узнал своего бывшего хозяина, до сих пор любимого им: «Животные, которые живут обществами, часто зовут друг друга, если они разлучаются и, очевидно, очень радуются при встрече; мы наблюдаем это у лошади, когда к ней приближается другая лошадь, которую она призывает ржанием» [7, 80].

Более того, Серпуховской не хочет слышать и понимать коннозаводчика, а по сути, самого себя, так как молодой хозяин – явный его двойник. Эти «антиподы-двойники» дополняют друг друга, иллюстрируя отсутствие развития в духовной жизни такого рода людей, а «печального образа князь словно бы олицетворяет собой то, что, скорее всего, ожидает в будущем нынешнего, самодовольного и преуспевающего коннозаводчика» [1].

Разговор этих персонажей нельзя назвать диалогом, скорее, это поочередные монологи, состоящие из хвастовства тем, что имеет один сейчас и что

когда-то имел другой. Знаменательно, что монологи эти произносятся героями исключительно для себя, так как роль слушателя они не выполняют: «Хозяин взволнованно заходил, забежал, показывал и рассказывал историю и породу каждой лошади. Гостю, очевидно, было скучно слушать хозяина, и он придумывал вопросы, чтобы было похоже, что и он интересуется этим» [3, 28]. Коннозаводчику неинтересно слушать о былом богатстве и счастье князя, так как сам он все это переживает в данный период. Хвастовство же молодого хозяина вызывает у Никиты зависть и стыд, оскорбляя его. В присутствии хозяев дома князь старается этого не показывать, но, когда они выходят из помещения, его лицо выражает искренние чувства: «Серпуховской начал было улыбаться, глядя на них и для них, ненатуральной улыбкой, но когда хозяин встал и, обняв ее (Мари. – Ю. Ф.), вышел с ней до портьеры – лицо Никиты вдруг изменилось, он тяжело вздохнул, и на обрюзгшем лице его вдруг выразилось отчаяние. Даже злоба была видна на нем» [3, 32]. Здесь можно отметить сопряженный с мотивом *ложной жизни* мотив *жизни-игры*. Герой скрывает свои истинные чувства от других, надевает «маску», потому что в обществе считаются недостойными такие эмоции.

Отсутствие развития духовной жизни, приводящее к физическому разложению, демонстрирует противопоставление *Серпуховской «тогда»* – *Серпуховской «теперь»*. Сравним портретные характеристики, сопоставленные во времени. В молодости у князя было «румяное, чернобровое красивое лицо» [3, 25]. Черные брови у Толстого – один из показателей жизненной силы, так что такое описание внешности героя говорит о его физическом здоровье, силе, желании жить. Интересно, что этой портретной характеристикой у Толстого наделяются и женщины. Так, в повести «Казачки» черными бровями обладает Марьяна. Однако молодая казачка, в отличие от Серпуховского, отличается здоровьем не только физическим, но и духовным, силой не только телесной, но и нравственной, что отражается в ее улыбке: «Она улыбалась редко, но зато ее улыбка всегда поражала. От нее веяло девственной силой и здоровьем» [8, 98]. Получается, что «черные брови» вписывают Серпуховского в ряд героев, симпатичных писателю, да и сам Серпуховской в молодости ему не противен. Вместе с кучером Феофаном и Холстомером герой переживает лучший период своей жизни, и его поведение «напоминает поведение столь же молодых и сильных существ в другом мире – природном, где эти качества ценятся особенно высоко» [5, 109]. Толстой как бы говорит своей оценкой: всему свое время, молодость оправдывает упоение собственной физической силой (вспомним толстовское высказывание 1860-х годов: «Кто счастлив, тот прав» [9, 53]). Однако человек должен вовремя осознать, что он человек, что к нему предъ-

являются иные требования – в первую очередь, духовного роста.

Пристрастие молодого князя «к чувственным наслаждениям» [10] выказывают белые зубы. Постаревший же князь улыбается несмело, так как у него отсутствует два зуба. Данная деталь красочно подтверждает физическую деградацию героя, который всю жизнь предавался лишь животным страстям. Однако скрывать свою дряхлость у Никиты плохо получается, в отличие от других персонажей Толстого. Пример более удачливого и искусного в этом занятии персонажа можно встретить в романе «Воскресение». Княгиня Софья Васильевна имеет «...прекрасные длинные зубы, чрезвычайно искусно сделанные, совершенно такие же, какими были настоящие» [11, 94], а во время разговора она следит за лучом солнца, который мог бы осветить ее старость, и вовремя просит лакея опустить гардину. Из этих двух сравнений можно сделать вывод, что старость и болезни в обществе такого рода людей тщательно скрываются. Только от степени богатства зависит, насколько удачно получится замаскировать признаки увядания. Нормой, даже правилом «игры» для окружающих старого / больного считается делать вид, что они не замечают произошедших изменений.

Меняется и манера поведения Серпуховского: «Более же всего заметно было его падение в беспокоестве взглядов (глаза его начинали бегать) и нетвердости интонаций и движений» [3, 30]. Традиционно знак «бегающие глаза» является сигналом внутренней неуверенности человека, а также неискренности. В данном случае применимы оба значения. Первое – потому, что вместе с красотой, молодостью и богатством Никиты уходит и уверенность в себе. Нетвердость особенно заметна, потому что герой в своей жизни не привык чего-либо или кого-либо бояться, и только сейчас в нем зарождается страх. Лицемерие же Серпуховского состоит в том, что внешне он пытается поддержать свою репутацию, тогда как и ему, и всем известно о его падении: «Он прогорел, – сказал Серпуховской и вдруг остановился и оглянулся кругом. Он вспомнил, что должен этому самому прогоревшему 20 тысяч. И что если говорить про кого “прогорел”, то уж верно про него говорят это. – Он замолчал. <...> Серпуховской придумывал, чем бы показать, что он не считает себя прогоревшим» [3, 32].

Престиж в данном обществе имеет большое значение. Одежда, украшения, мебель, посуда, – словом, все вещи людей такого круга служат только для создания репутации. Так, в доме коннозаводчика «всё было очень хорошо, но на всем был особенный отпечаток излишка, богатства и отсутствия умственных интересов» [3, 29]. Человек в этом мире приравнивается к предмету: «... так говорится о *выгнутой* позе беременной хозяйки и вслед за тем о *гнутой, изогну-*

той мебели, то есть женщина оказывается как бы родом мебели» [12, 29–30]. В связи с этим люди, с которыми можно и нужно общаться, выбираются с точки зрения престижа. В «Холстомере» круг персонажей узок, он определяется явной идеологической тенденцией повести, а вот в романе «Воскресение» обнаруживается подтверждение этому: княгиня Корчагина «...была лежачая дама. Она восьмой год при гостях лежала, в кружевах и лентах, среди бархата, позолоты, слоновой кости, бронзы, лака и цветов и никуда не ездила и принимала, как она говорила, только “своих друзей”, т. е. всё то, что, по ее мнению, чем-нибудь выделялось из толпы» [11, 93].

В естественном мире животных к старости относятся совсем иначе. Старый мерин является постоянным предметом для шуток и издевательств молодежи. Здесь подчеркиваются «извечные социальные, психофизические антиномии бытия» [13, 234]: «Он был стар, они были молоды, он был худ, они были сыты, он был скучен, они были веселы» [3, 11]. Молодые лошади безжалостно относятся к отходящему от них мерину, потому что таков закон природы. «Правы» те, кто молод, кто готов любить и продолжать род. Вся природа содействует этому, все пропитано любовью: «Вон дергач, в густом тростнике, перебегая с места на место, страстно зовет к себе свою подругу, вон и кукушка и перепел поют любовь, и цветы по ветру пересылают свою душистую пыль друг другу» [3, 10]. Известно, что в пору полового возбуждения у большинства животных «оба пола непрерывно призывают друг друга» [7, 80]. Эту функцию выполняет ржание бурой кобылки: «И шалость, и чувство, и некоторая грусть выражались в этом ржаньи. В нем было и желанье, и обещанье любви, и грусть по ней» [3, 10].

О едином законе природы, о законе естественного отбора знает и сам Холстомер: «Но ведь не виноват же был пегий мерин в том, что он был стар и тощ и уродлив?... Казалось бы, что нет. Но по-лошадиному он был виноват, и правы были всегда только те, которые были сильны, молоды и счастливы, те, у которых было всё впереди, те, у которых от ненужного напряжения дрожал каждый мускул и колом поднимался хвост кверху» [3, 11].

Когда-то и Холстомер был молод, стремился к любви и продолжению рода, но его лишили этого: «На другой день <...> я уже навеки перестал ржать, я стал тем, что я теперь» [3, 17]. Бесплодие традиционно у славян расценивается как наказание – Холстомер наказан за свои пежины, его сделали меринном насильственно. Этот факт важен для Толстого, потому что реальный Мужик I успел оставить потомство до того, как его выхолостили. Писатель вводит этот факт в текст повести, чтобы усилить контраст между Холстомером и Серпуховским. Последний, по сути, такой же «мерин», так как на протяжении всей повести не упоминается о его детях.

Однако Никита выбирает такой путь самостоятельно, все, что он делает в жизни, бесплодно. Именно поэтому еще при жизни он превратился в «ходившее по свету, евшее и пившее мертвое тело» [3, 37].

Если в молодости Серпуховской и Холстомер по своей физической красоте и силе соответствуют друг другу, то картина старости и смерти персонажей представляет яркий контраст. Серпуховской в зрелом возрасте («за 40 лет») превратился в обрюзгшего толстого старика, распространявшего запах «грязной старости» [3, 35]. Этими деталями Толстой демонстрирует физическое и духовное разложение Никиты. Холстомер также изображен старым и больным, однако старость эта иная, потому что он обнаруживает тенденцию к духовному росту. Он склонен к размышлениям, к анализу поступков людей и лошадей, он способен бескорыстно любить и совершать добрые поступки. Поэтому дух его не падает, в нем присутствует уверенность в себе: «...было что-то величественное в фигуре этой лошади и в страшном соединении в ней отталкивающих признаков дряхлости, усиленной пестротой шерсти, и приемов и выражения самоуверенности и спокойствия сознательной красоты и силы» [3, 8]. Сцены смерти героев также противопоставлены: «Эффект от натуралистического изображения гибели Холстомера намеренно смягчается благодаря острашению всего происходящего (“что-то сделали с его горлом”), передающему ощущение мудрой органики самого процесса оставления лошастью ее телесного естества (“облегчилась вся тяжесть жизни”), которое, будучи затем растаскано волчятами, вошло в извечный круговорот природной материи. Обратный смысл подобное нагнетание телесности получает при изображении смерти князя, <...> еще при жизни превратившегося в тело, которое было “всем в великую тягость”» [13, 235].

Серпуховской переносит природные законы на свою жизнь. Однако смысл человеческой жизни состоит совсем в другом: «Разум для человека тот закон, по которому совершается его жизнь, — такой же закон, как и тот закон для животного, по которому оно питается и плодится» [3, 348]. В трактате «О жизни» Толстой утверждает, что человек заблуждается, подчиняясь животному закону. Истинная жизнь наступает тогда, когда появляется «разумное сознание». Никита всю жизнь проживает в заблуждении, он духовный «мерин», что приводит его и к физическому бесплодию: нет продолжения рода. Физический недостаток Холстомера, напротив, приводит его к разуму: «Весь свет изменился в моих глазах. Ничто мне не стало мило, я углубился в себя и стал размышлять» [3, 17–18].

Разумное сознание, по мысли Толстого, показывает человеку благо, отличное от животного: «...наибольшее, до бесконечности могущее быть увеличиваемым, благо жизни каждого существа может быть достигнуто только этим законом служения

каждого всем и потому всех каждому» [3, 372]. Именно это и происходит с Холстомером: он находит свое счастье в служении другим, называя его «высоким лошадиным чувством». Мерин рассказывает своим слушателям: «Убей, загони меня, думал я, бывало, в наши хорошие времена, я тем буду счастливее» [3, 23]. Также много позже мерин находит «лошадиное удовольствие», когда Нестер причиняет ему страдания неудобным положением седока. Таким образом, «высокое лошадиное чувство», «лошадиное удовольствие» – это гипертрофированное желание служить другим, пусть даже ценой своих мучений.

Интересно, что в народной традиции славян образ коня связан с культом плодородия. Холстомер, лишившись способности продолжать род, развивается духовно и нравственно. В этом смысле конь меняется местами с человеком. Холстомер обнаруживает в своем поведении способность к анализу и духовному росту, что является истинно человеческим; Серпуховской выбирает иной путь, стремясь лишь к удовлетворению животных потребностей. В одной из финальных сцен Никита превращается в свинью. В христианской традиции свинья символизирует «демона похоти» – непристойные наслаждения, чувственность, вожделие и обжорство [14]. Сильно пьяного или грязного человека называют «свиньей», как и человека, совершившего дурной, «грязный» поступок. Здесь происходит та самая инверсия, на которой во многом строятся некоторые произведения позднего Толстого, к примеру, «Крейцера соната: человеческое трансформируется в животное, и эта трансформация отмечается исключительно негативными коннотациями. Само же *животное*, то есть *природное*, становится символом *разумного*, что особенно наглядно изображается писателем в произведениях философско-публицистического характера – в «Исповеди», в трактате «В чем моя вера?»: «И в самом деле, птица существует так, что она должна летать, собирать пищу, строить гнезда, и когда я вижу, что птица делает это, я радуюсь ее радостью. Коза, заяц, волк существуют так, что они должны кормиться, множиться, кормить свои семьи, и когда они делают это, у меня есть твердое сознание, что они счастливы и жизнь их разумна» [16, 42]. Чтобы стать *истинным*, *природному* не нужно подниматься до человеческого, тогда как человеку нельзя опускаться до животного.

Семантика жестов персонажей знаменитой повести демонстрирует, как конь подобиет Человеку, а человек – животному, что превращается в одну из самых своеобразных иллюстраций системы идей позднего Толстого.

ЛИТЕРАТУРА

1. Россош Г. Пегий мерин и Красногривый жеребенок. Вокруг да около / Г. Россош // Журнальный зал [11.02.2015]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2006/127/go19.html>.
2. Кондаков Б. В. «Этическое пространство» русской литературы 1880-х гг. / Б. В. Кондаков // Вестник Вятского государственного гуманитарного университета. – № 4(1). – Киров : ВятГГУ, 2010. – С. 95–103.
3. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. Т. 26. Произведения 1885–1889 гг. / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1936. – 946 с.
4. Григорьева С. А. Словарь языка русских жестов / С. А. Григорьева, Н. В. Григорьев, Г. Е. Крейдлин. – Москва-Вена : Языки русской культуры ; Венский славистический альманах, 2001. – 256 с.
5. Нагина К. А. Образно-смысловая оппозиция «жизнь»-«смерть» в произведениях Л. Н. Толстого 1880-х годов : дис. ... канд. филол. наук : 10.01.01 / К. А. Нагина. – Воронеж, 1998. – 213 с.
6. Крейдлин Г. Е. Невербальная семиотика : Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое лит. обозрение, 2002. – 592 с.
7. Дарвин Ч. О выражении эмоций у человека и животных / Ч. Дарвин. – СПб. : Питер, 2001. – 384 с.
8. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Т. 6. Казаки / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1936. – 314 с.
9. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Т. 48. Дневники и записные книжки 1858–1880 / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1952. – 539 с.
10. Бирах А. Психология мимики / А. Бирах. – М., 2000. – 172 с.
11. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Т. 32. Воскресение / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1936. – 540 с.
12. Венцлова Т. К вопросу о текстовой омонимии / Т. Венцлова // Пиры Серебряного века [02.03.2015]. – Режим доступа: <http://silver-age.info/k-voprosu-o-tekstovoj-omonimii-puteshestvie-v-stranu-guigngnmov-i-xolstomer/>.
13. Ничипоров И. Мир глазами животного («Холстомер» Л. Н. Толстого и «Сны Чанга» И. А. Бунина) / И. Ничипоров // Лев Толстой и мировая литература : Материалы VI Международной научной конференции, проходившей в Ясной Поляне 11–15 августа 2008 г. – Тула : Издательский дом «Ясная Поляна», 2010. – С. 233–238.
14. Краткая энциклопедия символов [18.02.2015]. – Режим доступа: <http://www.symbolarium.ru>.
15. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Т. 49. Записки христианина, дневники и записные книжки 1881–1887 / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1952. – 306 с.
16. Толстой Л. Н. Полное собрание сочинений : в 90 т. – Т. 23. Произведения 1879–1884 гг. / Л. Н. Толстой. – М. : Худ. лит., 1957. – 582 с.